

**ЛИТЕРАТУРНАЯ
МИФОЛОГИЯ АЛТАЯ:
коллективная
монография**

Е. А. Худенко,
А. И. Куляпин,
Т. А. Богумил,
Н. И. Завгородняя;
науч. ред. Е. А. Худенко.

Барнаул, 2019

Авторы редко конструктивно, и еще реже — позитивно, реагируют на рецензии критиков. Quodscripti, scripsi (что написал, то написал (лат.) — Д. М.) — принцип, довлеющий, увы, не над одним Пилатом. Однако автор, умеющий почувствовать созидательный, перфекционистский импульс критики, имеет шанс более полно использовать весь потенциал своего произведения. Новая книга ученых-филологов Алтайского государственного педагогического университета «Литературная мифология Алтая», посвященная геоэпике региона, наглядно демонстрирует этот тезис.

«Литературная мифология» — это серьезная переработка в жанре научной монографии материала, вошедшего ранее в словарь «Литературно-туристический Алтай: топосы — мифы — имена», созданный тем же коллективом авторов в 2018 году. Рецензия на словарь помещена в журнале «Культура Алтайского края» № 1 за 2019 год (с. 8–9). Наряду с положительной оценкой издания, рецензентом были высказаны предложения по дополнению материала словаря и уточнению содержательной части. Авторы (повторим: редкий случай!) учли замечания критика при подготовке словаря-монографии. И новая книга уж точно от этого не проиграла. Так, раздел, посвященный городам Алтая, имеющим свою мифологию, пополнился главой о Змеиногорске. Восемнадцать страниц текста — на сегодня это самый полный анализ мифологического шлейфа, сопровождающего историю одного из старейших городов Алтая. Образ Змеиногорска, в художественной литературе, представленный двумя доминантами — идеализированной природой и каторжным трудом в шахтах, объединяемыми сюжетом о переходе из рая в ад и наоборот, сложился в русле литературной традиции сибирского текста. Но его оттенки и детали, рассыпанные в разных произведениях более чем десятка путешественников, писателей, общественных деятелей, свидетельствуют о богатстве лингвокультурологического и мифологического пластов истории небольшого алтайского города, сравнимом со многими городами европейской России.

Монография посвящена реконструкции литературных топосов Алтая, изучению их мифологического содержания и символической значимости, анализу того, как ландшафтные достопримечательности региона отражаются в творческих биографиях известных отечественных поэтов и писателей. Материалом для анализа стали художественные и документальные тексты XX — начала XXI в. Многие из них взяты из пятитомной антологии «Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв.», изданной в 2012 году. Это придает новой монографии системный характер, вписывает ее в актуальную парадигму региональных литературоведческих исследований. Коллектив авторов поставил перед собой задачу как актуализировать реально существующие топосы Алтая — горы, реки, города, дороги-тракты, так и мифологически оживить популярные местные легенды и предания — мифы о Голубой даме, о Змее, Беловодье, барнаульском метро и т.п. То, как возникает мифотворчество, отчасти помогает представить раздел «Тексты и судьбы», в котором реконструируется индивидуально-авторское осмысление современными литераторами алтайских ландшафтов и культурных достопримечательностей. В фокус внимания авторов попали произведения не только классиков и признанных мэтров: Вячеслава Шишкова, Николая Ядринцева, Владимира Зазубрина, Константина Паустовского, Виталия Бианки, Владимира Высоцкого, Ивана Жданова, Александра Мисюрева, Альфреда Хейдока, Марка Юдалевича и других, но и популярных современников: Владимира Токмакова, Андрея Коробейщикова, Натальи Николенковой, Владимира Коржова, Юстасии Тарасавы и т.д.

В итоге читатель, гипотетический путешественник по Алтаю, имеет уникальную возможность увидеть одно и то же место или историческое событие объемно, стереоскопически, с разных сторон. Географическая реальность конкретного топоса показана в отражении мифологической нереальности (или другой реальности?), художественные тексты литераторов превращаются в материал для мифотворчества.

По сравнению с предшественником, словарем «Литературно-туристический Алтай: топосы — мифы — имена», монография изменилась не только содержательно, но и структурно. Разделов стало больше: «Горы», «Реки», «Беловодье», «Города», «Тексты и судьбы». Подобное деление на главы, точнее, структура издания стала яснее, прозрачнее.

Жанр научной монографии не должен пугать читателя. Авторы — профессиональные филологи, — не впадая в нередко свойственное ученым логофильство,

смогли найти баланс между наукообразностью языка и его доступностью для восприятия интеллигентным читателем.

Монография «Литературная мифология Алтая» — научный базис для брендинга городов и достопримечательностей «туристического Алтая». Книга пригодится и как пособие для профильных научных исследований, школьных и вузовских учебных курсов по литературе и истории Алтая, лингвокраеведению, и как познавательное чтение для краеведов-любителей.

Рекомендуем книгу к прочтению. Достойное типографское исполнение делает ее желаемой для домашней библиотеки любого книголюбца.

Дмитрий Марьин

Антонина Косачёва

ПИСЬМА БЕЗ АДРЕСА. Стихотворения

Барнаул,
2019

Один из ведущих мотивов поэзии и прозы Косачёвой — осмысление опыта социализации, жизни «на миру».

*И вечно прячу от других
Свои различия и сходства.
.....
Благословляю одиночество —
Сиротство светлое моё,
Своё — без имени и отчества,
Без любопытных глаз житьё.*

Противопоставить «болоту», серой прозе буден можно формализованные, дозволенные радости, ритуал.

*Мандаринов солнечная горка,
В духовом шкафу томится гусь,
Бутерброды с красною икоркой —
Перечислить всё я не берусь.*

Таким образом, для Антонины Николаевны важно ощущение праздника, дионисийское начало бытия. Конфликт большинства стихотворений — мучительное напряжение между прозой жизни и желанием стать, как «танцующий Шива», освободиться от враждебных взоров, рамок, границ, условностей, лямок, вышек и конвоя.

Символика книги восходит к традициям золотого века русской поэзии, а также модернизма 1930-х годов. Евгений Баратынский знал, что его строки подобны письмам без адреса.

*И как нашёл я друга в поколеньи,
Читателя найду в потомстве я.*

Осип Мандельштам заметил по этому поводу:

«Проницательный взор Баратынского устремляется мимо поколения, — а в поколении есть друзья, — чтобы остановиться на неизвестном, но определенном «читателе». <...> Морепоплаватель в критическую минуту бросает в воды океана запечатанную бутылку с именем своим и описанием своей судьбы... Читая стихотворение Баратынского, я испытываю то же самое чувство, как если бы в мои руки попала такая бутылка».

Антонина Косачёва нашла для подобных умозаключений звучные, ясные, убедительные формулы.

*И зарифмованные фразы, —
Как письма в море, наугад —
Когда и адрес не указан,
И неизвестен адресат.*

Как мастер-словесник, поэт училась у шестидесятников. Характерной особенностью стиля автора стала ассонансная рифма, которую «короли стадионов» получили в наследство от Цветаевой и Пастернака (см. у Косачёвой: «дороги — положих», «души — спешит», «деревья — деревни», «небеса — вернисаж», «дни — саднит», «снег — весне»).

Сильная сторона Антонины Николаевны — ее юмор. Он природный, русский.

День сегодня, как находка, —
В гости муза позвала.
Поэтическая сходка.
Лето. Праздник. Касмала.
Так какой же нынче масти
Будут козыри у нас?
Я прошла удачно кастинг —
Повезло мне в этот раз.

Книга «Письма без адреса» — памятник традиционным ценностям. Поэма «Попутчица», венчающая сборник, несколько прихотливая в плане формы, являет собой одно из лучших стихотворных произведений о коллективизации и трогательна до слез, до столбняка и немоты. Лирика никогда не может быть понятна и близка широкому кругу читателей. Эпос, напротив, обращается к недавнему историческому прошлому, истории многих и многих сибирских семей и затрагивает высшие эмоции читателя. Писать эпос в стихах — благородная авторская задача, в которой Антонина Косачёва может преуспеть многократно.

Константин Гришин

Антон Метельков

НОЖИЧКИ. Стихотворения

Кемерово,
2019

Сила Антона Метелькова не столько в знании фактов, сколько в мастерстве их отбора. На первый взгляд, его стихи кажутся слепком с действительности, отмечены непосредственностью жизненных впечатлений и даже претендуют на «хищный глазомер простого столяра» (попутно «изучающего изнанку вещей»), как говорил о себе Мефистофель). В то же время автор выразенный интертекстуал. В его стихотворениях, как в капле воды, отражается вся мировая литература и философия — начиная от Сократа, Платона и заканчивая Владимиром Набоковым и Борисом Рыжим. Он различает в реальности уже данное ему в платоновских «эйдосах»:

*тёмные тёплые листья
спрячут от взглядов чужих
окна на сад металлистов
окна на прошлую жизнь
девочка в платье с цветами
гладит в парадной кота
все мы давно кем-то стали
только она ещё там
в платье, где маки — горячем
где васильки — холодной
плакала
больше не плачет
вот уже несколько дней.*

Стиль Метелькова отличает типичное «слово с оглядкой», т.е. оглядкой на враждебно настроенного зрителя. С точки зрения содержательной, текст описывает сходные феномены — страх чужого взгляда («спрячут от взглядов чужих»), описание недружественной городской среды в духе поэта Бориса Рыжего («окна на сад металлистов»). Сходные феномены формализовал в своих автобиографических рассказах литературовед Александр Жолковский: «Но у меня есть набор американских масок, и среди них роль бухгалтера жилищного кооператива. Эту чуждую должность я взвалил на себя ради двух роскошно разросшихся деревьев, заслоняющих мою верхнюю веранду от улицы. Соседи периодически покушаются срубить их...»

«Девочка в платье с цветами», которая «до сих пор там, в парадном», имеет несколько литературных прообразов — героиню повести «Ася» Ивана Тургенева, героиню его же хита «Первая любовь», персонажа «Первой любви» Исаака Бабея, а также стихотворения Владимира Набокова «Первая любовь»:

*Твой образ лёгкий и блистающий
как на ладони я держу
и бабочкой нелетающей
благоговейно дорожу.*

«Блуждающие сны», или интертексты, Антона Метелькова концептуально оригинальны, хотя и близки художественной методологии Фёдора Достоевского и современного российского прозаика Павла Пономарёва.

Константин Гришин

Наталья Николенкова

DA CAPO AL FINE. Стихотворения

Кемерово,
2019

«D.C.» — музыкальная аббревиатура, используемая композиторами для указания, что исполнителю следует повторить предыдущую часть произведения от начала до слова «конец». Излишне упоминать по этому поводу «миф о вечном возвращении» и прочие разные вкусности от литературоведов. Наталья Николенкова действительно опубликовала «темы и вариации», книгу пародий на собственные тексты.

*Стану лохматой, дикой,
Буду кусать и грызть,
Завтракать земляникой
И упиваться вдрызг... (2019)*

Сравним:

Я буду цинична, я буду нагла, жаль, раньше такую я быть не могла. (2010)

*Осенние мужчины горячи,
Как осы, угодившие в варенье... (2019)*

*Мужчины походили на грибы...
И каждый гриб хотел в мою корзину... (1993)*

Книга также включает в себя множество вариаций на темы русских классиков.

*Ступай по траве поселанкою,
Над книжкой склонясь головой.
Живой притворяйся смуглянкою —
Ведь летом нельзя неживой. (Наталья Николенкова)*

*Как тяжело мертвецу среди людей
Живым и страстным притворяться!
Но надо, надо в общество втираться,
скрывая для карьеры лязг костей... (Александр Блок)*

*Неправда, что есть ответ
Иной, чем война. (Наталья Николенкова)*

*Но пока у военных есть дочки —
обязательно будет война. (Иван Волков)*

*Девочка пела в хоре
В музыкальной школе
С симфоническим оркестром
Коммунистические песни. (Наталья Николенкова)*

Девушка пела в церковном хоре... (Александр Блок)

Словесная живопись Натальи Николенковой — это, в лучшем случае, полотна Борисова-Мусатова, в худшем — иллюстрации Елены Самокиш-Судковской. Между этими полюсами и мечется наш солдат культуры.

Поэт Наталья Николенкова начинала хорошо. Любила стихи Юнны Мориц, писала о птицах, книгах, цветах, лебедях. На рубеже 1985 года влилась «в новую панк-волну», начала хулиганить за письменным столом, как герой рассказа Исаака Бабеля. Сегодняшние стихи автора пропитаны специфическим юмором.

*«Только, знаешь, я — не муха, мой паук и мой урод. Всё, что влажно, будет сухо,
и наоборот».*

Они найдут своих поклонников и в поезде, и на вокзале, и на заседании Государственной Думы Российской Федерации.

Борис Бабарыкин

**СИСТЕМА
ГОРНОЗАВОДСКОГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ
НА АЛТАЕ В XVIII —
НАЧАЛЕ XX В.**

Барнаул,
2019

Пятисотстраничный труд Бориса Бабарыкина «Система горнозаводского профессионального образования на Алтае в XVIII — начале XX в.» презентовали в день архивов, 10 марта, в краевой библиотеке в рамках фестиваля «Издано на Алтае». Книга выиграла номинацию «Краеведение» в рамках издательского конкурса и была напечатана за счет средств краевого бюджета. Исследование Бабарыкина имеет огромную библиографию — 359 источников, отличные приложения, в коих таблицы, рисунки, документы. Завершают том воспоминания ученика Алтайского горного училища В. Стасина, опубликованные в «Сибирском вестнике» в 1888 году. Вот на них, открыв книжку с конца, сразу и «припадаешь». Описана экзаменовка десятилетних отроков, приехавших из самых дальних концов Алтайского округа с надеждой поступить учиться на казенный счет. Стасин: «...попытаюсь очертить тех личностей, которых я встречал в течении 7-летнего пребывания в училище и на которых возложена была обязанность воспитывать сотни детей и почти из зверенка, сына какого-нибудь таежника, сделать или землемера, или штейгера». Один из самых ярких образов в описании Стасина Кокша или Николай Иванович Анчугин, надзиратель Горного училища. «К воспитанникам он относился с отеческой любовью; никогда не выбранит неприличным словом, что от других надзирателей зачастую приходилось слышать. Славный, милый старик! И ни слова, ни шагу не сделает он без гримасы, без ужимки... Просто поступив в училище мальчиком и до старости прожив в нем в среде мальчиков, он так и остался старым мальчиком» (с. 499). В разделе приложений читатель также найдет «Правила для воспитанников Барнаульского окружного горного училища»: 60 пунктов, регламентирующих поведение учеников с 6 утра и до 9½ — «отправляются на молитву и затем спать». Пункт 51: «При встрече с начальниками, горными инженерами и учителями на улице ученики обязаны приветствовать их вежливым поклоном, снимая фуражку». Описание обмундирования (в частности, «черный лакированный кожаный пояс с медною бляхою, на которой вырезан горный знак (кирка и молоток)»; документы о стипендии, кто учился, кто преподавал (а это очень интересный народ) — все в книге. Многие и многие факты звучат впервые. Вот один для примера: самым первым человеком, изучавшим тригонометрию в заводской школе, был ученик Ивана Позунова Иван Черницын. Или другой факт: до сих пор не было известно, что представляли из себя заводские школы в архитектурном смысле. Историк Бабарыкин нашел в архиве и поместил в книгу планы и фасады зданий

Салаирской, Локтевской, Змеиногорской, Томской, Сузунской заводских школ. На чертежах заводские школы более всего похожи на добротные избы. Барнаульская заводская школа представлена в приложении рисунками Якова Шангина и Арсения Козмина, исполненных в 1773 году и удивляющих хорошим качеством исполнения.

Об авторе книги замечательно говорили известные наши историки Валерий Скубневский и Борис Бородаев, и все, собственно, кому пришлось поработать с этим неординарным человеком, — архивисты, музейщики, библиотекари. Валерий Скубневский отметил фундаментальность, скрупулезность и системность работы своего аспиранта. Действительно, монография охватывает почти двухвековой период: 1735–1917 гг. и огромные географические границы Алтайского горного округа, в который помимо современной территории Алтайского края входили части Томской, Новосибирской, Кемеровской областей, Республики Хакасии и Казахстана. «Борис Бабарыкин выяснил кто и что преподавал в горнозаводских образовательных учреждениях, в какие годы. Выявил набор дисциплин. Проследил состав и динамику учеников. Он сделал очень сильную работу», — подчеркнул Валерий Александрович.

Высоко оценил книгу ее редактор Павел Афанасьев: «Для работы Бориса Бабарыкина характерно богатое фактическое содержание. Достаточно увидеть сводные таблицы, которые невелики, кажется, по объему, но их изучение выявляет колоссальную работу автора. Автор ясно показал, как система образования встраивалась в алтайское производство. Без нее Алтай не стал бы "серебряным венцом". Борис стер "белое пятно", каким раньше являлось образование в Алтайском горном округе».

Вадим Борисович Бородаев вспомнил предыдущую работу Бабарыкина, выполненную в соавторстве, — «Справочник личного состава чиновничества Алтая (1747–1917)»: «Этот справочник выполнен на века, и в XXII веке будут к нему обращаться. Впервые я познакомился с Борисом в архиве. Он, в то время первокурсник, на удивление легко ориентировался в архивных документах и быстро работал. Сегодня его можно назвать очень редким специалистом, он историк-архивист». Как о самом глубоком знатоке архива Алтайского края говорили о Борисе Васильевиче и сотрудники-архивисты, признавая его, что порой обращаются к нему за подсказкой.

Сам автор не пришел на презентацию, отговорился занятостью на работе (а работает кандидат исторических наук на заводе). Как сказал его товарищ и редактор книги Павел Афанасьев, получилось по Ахматовой — «Поэма без героя». О «герое» сообщим еще, что родился он в поселке Новогорском города Новоалтайска в многодетной семье рабочих. В настоящее время Борис Бабарыкин является автором и соавтором более 70 научных и научно-популярных публикаций.

За фолиант «Система горнозаводского профессионального образования на Алтае в XVIII — начале XX в.» следует поблагодарить и Ольгу Малышко, заведующую

Значком отмечены книги, изданные в рамках краевого издательского конкурса

отделом краеведения краевой библиотеки и члена жюри издательского конкурса. Она предложила для публикации отличную книгу, которая, пожалуй, у краеведов и всех, кто интересуется историей Барнаула и Алтайского края, станет настольной. Не всегда выбор жюри бывает столь удачен. С книгой Бориса Бабарыкина попали в десятку, она нескудна и познавательна, она — открытие.

Лариса Вигандт

Данил Дегтярев

ИСТОРИЧЕСКАЯ МИКРОГЕОГРАФИЯ БАРНАУЛА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА)

Барнаул,
2019

Данил Дегтярев больше известен как общественник, активист, защищающий историческое наследие Барнаула. Или как экскурсовод, прошедший уйму бесплатных познавательных прогулок для барнаульцев. Однако Данил вместе с тем серьезный и интересный ученый-историк. Барнаул научный знал его еще школьником как многократного победителя исторических олимпиад — региональных и всероссийских. Теперь Данил Сергеевич — кандидат исторических наук, автор десятков статей по истории Барнаула. В настоящее время на фестивале «Издано на Алтае» демонстрируется его монография «Историческая микрогеография Барнаула: вторая половина XIX — начало XX века», презентация которой прошла в феврале в отделе краеведения краевой библиотеки имени В.Я. Шишкова. Книга Дегтярева имеет весьма удачный дизайн. Ее обложка в бирюзово-голубых тонах и органичная графика шрифтов обращают на себя внимание, рука невольно тянется к полке за изящной книжицей. Единственное, что лично меня немного смущает в обложке, так это «Altai» в латинском обличье. На презентации Данил оправдывал сие начертание желанием вывести книгу и к зарубежному читателю. Не убедил. Слово на обложке, тем более данное крупно и довольно оригинально, встраивается в заголовок и даже подчиняет себе истинное название книги. Оттого, кстати, может возникнуть библиографическая путаница. В остальном и главном — книга отличная. Не пугаясь ее монографического статуса, нужно смело брать и читать. Автор нашел хороший баланс между наукообразным и увлекательным изложением. Тема пространственного развития города, а именно: образование центра, среднего пояса и окраин и их историческое смещение — интересна. Какие кварталы считались центром Барнаула во второй половине XIX века? Как была устроена адресная система? Где размещалась барнаульская промышленность? Автор дает ответы на эти и другие вопросы в своем исследовании. Мне больше других запомнился фрагмент, связанный с дореволюционными барнаульскими народными топонимами. Собранные в один ряд, они звучат многозначно и даже забавно: Гора (топоним-долгожитель. — Л. В.), Лужки или «водной квартал», Заячья слобода и Волчьи Гривы.

Книга об исторической микрогеографии Барнаула среди прочего заставляет отметить, как легко, с высоким

кпд, совмещая приятное с полезным, весьма грамотно организуя свое время, работает Данил. И убеждают меня в этом экскурсии, которые, оказывается, можно понимать и использовать как экскурсионный метод. «Он был разработан И.М. Гревсом и апробирован его учеником Н.П. Анциферовым еще в 20-е годы прошлого века. Впоследствии был предан забвению и возрождается как метод современной урбанистики только в последние несколько лет», — пишет Дегтярев. Данил провел «несколько сотен специальных исследовательских экскурсий по Барнаулу и его пригородам. Применение экскурсионного метода позволило соотнести пространственные реалии начала XX и начала XXI века» (с. 7).

Что особенно важно, в основе монографии лежит оригинальная авторская методика изучения пространственного развития городов.

Треть книги занимает раздел «Приложения», состоящий из множества таблиц и нескольких дореволюционных карт Барнаула. Пожалуй, читатель первым делом и остановится на таблицах. Компактные по форме и максимально насыщенные содержанием, они весьма удобны для изучения. Есть здесь статистические описания Барнаула за разные годы. Например, в 1866 году население города составляет «12147 человек, число зданий — 2033, в т.ч. 61 каменное. Полицейских будок — 20». А в 1886-м: «население 19125 человек. Число зданий 2239, каменных — 52. Полицейских будок — 19». Имеются алфавитные списки владельцев предприятий за разные годы. Как отдельный проект можно рассматривать «Адресный справочник по Барнаулу на 1914 год». Основой к нему стала полная подшивка газеты «Жизнь Алтая» за этот год. Справочник занимает 48 страниц и имеет две части: «Улицы» и «Тематический справочник». Рассматривать эти таблицы можно бесконечно — в них оживает Барнаул столетней давности. И вот перенеси нас туда машина времени, что бы мы выбрали вечером, после работы: столовую «Нью-Йорк» на Мало-Тобольской или ресторан «Декаданс» на Льва Толстого, 7? Чему захотели бы учиться? Выбор таков, например: «Артистка Н.Н. Бенуа. Уроки риторики. На ул. Берской, 96, угол Соборного пер.», или «уроки на татарском и киргизском языке на Гоголевской, 23», или «школа танцев Фокина на Пушкинской, 30». Всего 27 «кружков» по интересам. Экипаж, пожалуй, мы починим в «Экипажной мастерской Ф.Л. Шампарова» на пятой Алтайской, 35. Есть и ремонт велосипедов, и столярные мастерские, и кузницы. И на каждом углу хлебопекарни, некоторые витиевато называются: «Крендельное заведение и сушечная мастерская Ф.А. Ердякова». А на Набережной пруда, 12 — «Конфетная мастерская». В Барнауле 1914 года есть все, и все свое, и почти всегда — это ручная работа. Среди нескольких сотен адресов исследователь курсивом отмечает те, что сохранились до сих пор (титаническая работа кроется за этим маленьким и редко встречаемым в таблице курсивом). Так, в доме на улице Партизанской, 7 жил в 1914 году городской аукционист Д.К. Михалев, а на Анатолия, 145 прививали оспу и принимала акушерка Шахновская. В нынешнем здании психоневрологического диспансера на Луговой, 19 находились дом и оптово-розничный склад М. Вершинина, а также контора Лунд и Петерс. Куда бы я точно заглянула в Барнауле 1914-го, так это в дом Мышкина на углу Соборного переулка — литературный, можно сказать, адрес. Волшебные таблицы составил Данил Дегтярев. И в целом, проделав основательную исследовательскую работу, выпустил новаторскую книжку.

Лариса Вигандт